

«Сон»

Л.М. Щемелева

Стихотворение с новеллистическим сюжетом, часто встречающимся в поздних стихах Лермонтова («Завещание», «Сосед», «Соседка», «Узник») написано от имени человека, находящегося на грани жизни и смерти, и уже это во многом предопределяет особую таинственность, загадочность этого феномена русской поэзии. Герой баллады видит сон о собственной смерти, а в своем сне — сон любимой им женщины, пророчески прозревающей его смерть. И сон этот лишен всякой ирреальной сновидческой условности, он предельно четок и конкретен — при том, что содержание его, как и стихотворения в целом, глубоко символично.

Всепроникающая связь мотивов любви и смерти находит выражение в сложной сюжетной форме, построенной по принципу «порождения» — одна сюжетно-психологическая ситуация (сон лирического героя) порождает другую (сон любимой им женщины), или «вложения» — в сон одного «вкладывается», встраивается сон другого. Б. Эйхенбаум, исследуя жанровое и композиционное своеобразие «Сна», назвал его построение «зеркальным»: «Сон героя и сон героини — это как бы два зеркала, взаимно отражающие действительные судьбы каждого из них и возвращающие друг другу свои отражения»; по определению В.С. Соловьева, это — «сон в кубе».

Символическая и композиционная усложненность стихотворения контрастирует с подчеркнутой простотой поэтической стилистики, отсутствием метафорической образности: все употребленные в стихотворении эпитеты — общепоэтические или нейтральные. Но инструментовка стиха, внутренние рифмы, ассонансы и аллитерации («В полдневный жар в долине Дагестана... лежал недвижим я... И солнце жгло их желтые вершины и жгло меня...») в сочетании с анафорами и стыками создает сложный музыкальный рисунок. Интонационное и музыкальное движение стихотворения соотнесено с его кольцевым построением, нередким в лирических жанрах; здесь же оно получает принципиально новое содержание, обусловленное особой логикой развития сюжета. Первое и последнее кольцевые четверостишия принадлежат не одному, как обычно, а к разным сознаниям: героя («лежал недвижим я») и героини («и снилась ей...»). Такой кольцевой повтор — один человек «узнает», воссоздает вплоть до подробностей смерть другого — сообщает особый, «разрешающий» смысл трагическому сюжету стихотворения, заключенному не только в смерти, но в самом «наблюдении» героем баллады своего умирания:

Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.

«Сон» не рождает того «леденящего душу отчаяния», о котором говорил Белинский в связи с поздними стихами Лермонтова. Если герой ранней лирики Лермонтова постоянно обращается к любимой им женщине с мольбой, заклинанием сохранить по-смертному воспоминание о нем — «с требованием не столько любви, сколько памяти» — то в художественном пространстве баллады как бы сбывается и до конца уясняется живший в Лермонтове образ идеальной любви, оказавшейся провидческой. И такая любовь, которую лишь в смертном сне, но успел — силой собственного прозрения — увидеть герой стихотворения, выводит тему смерти из абсолютного, замкнутого трагизма.

Т.Г. Динесман

Относительно происхождения «Сна» высказывались разные предположения, однако некоторые версии не могут быть приняты ввиду хронологических несоответствий. Одни исследователи связывают его с именем В.А. Лопухиной, другие — с Е.П. Ростопчиной; последнее, по мнению Эйхенбаума, более вероятно. Е.А. Сушкова необоснованно считала, что поводом к созданию «Сна» послужило известие о ее предполагаемом браке с А.А. Лопухиным: Лермонтов будто бы предупреждал Сушкову, что вызовет ее жениха на дуэль... По этому случаю он написал стихотворение «Сон». Г. Градовский называет другой источник — воспоминания генерала М.Х. Шульца, который рассказал Лермонтову, как он после сражения пролежал раненый целый день среди убитых, пока его не подобрала. Л. Семенов предполагал в стихотворении воздействие фольклора гребенских казаков, С. Шувалов — лирики Г. Гейне. Однако несомненно, что в стихотворении отразились и мрачные предчувствия, владевшие Лермонтовым после его последнего отъезда из Петербурга. Мотив сна о собственной смерти разрабатывался Лермонтовым еще в ранней лирике, отмеченной напряженными поисками разгадки вечной тайны бытия (ср. «Ночь. I», «Смерть» — «Ласкаемый цветущими мечтами...»). Как указывал А. Бежецкий, сюжет «Сна» был развит в стихотворении неизвестного автора, которое приписывалось Лермонтову. Влияние «Сна» прослеживается в стихотворении Н.П. Огарева «В тиши ночной аккорд печальный...». Мотивы лермонтовского стихотворения повторяются в лирике А. Исаакяна («Да, я знаю всегда — есть чужая страна»).

Белинский относил «Сон» к числу «значительнейших» произв. Лермонтова, равно интересных «как в эстетическом, так и в психологическом отношении» и принадлежащих «к эпохе полного развития» его таланта. Н.Г. Чернышевский приводит это стихотворение как пример истинно прекрасного в поэзии. Позднее интерес к поэтической форме «Сна», его эстетическому содержанию, к отражению в стихотворении личности Лермонтова был особенно присущ исследователям, близким символистам: В.В. Розанов, Д.С. Мережковский находили в «Сне» вещей сон самого Лермонтова, мистическое прозрение поэта. Вопросы композиции и инструментовки «Сна» освещены в работах С. Шувалова и И. Розанова; последний анализирует также работу Лермонтова над автографом.